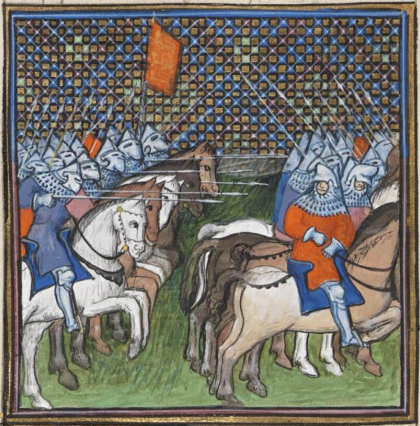

Маршал веры. Книга первая

et es venient a luy pour seer
me con seulle de eulz faire
fondimons
Et a ceulz de
laisse je ne puis mie deo
e en face Cav
si les comment
nisme et fuw le
et fuw le p
contre de
ay et distent ce sont gens
tels quels qui ne seient vi
de pillautz et foberie qui mal
iment ont cheuacheie fuw
es. Sy le comperent seruo
us aux champs tenu. Car s
vms et pillie et fait mont
en la sone schauace de thon
nt les plantes sont amues
Et seruo leus souffono
vms serions tray face emere
esire qui cy nous a establi
vder faceere Sy leus ditte
ent de par nous ainsi. Cav
e nous sauons ou s
fetonnerons si la vms ad
u s nous conffera encore
Quel sponce ne got adonc
Cappitaine de mont alban
oty mal content de ulz et dist
ou leus menaces Il ne be
ontencion et fetonna a
ben et leus fecorita toutes les
s que vous auez ouyres
nt les compaignons ente
vent ces nouvelles sy ne
mye bien assenvez Cav s
ut pas a seu parvy coure les
Si sen tendent fuw leus
de unquels de unquels

messire perducas de la breth atout une grant
foute de compaignons deust passer par mont
ceulz de la ville
Quant me sire robert
et les autres compaignons qui la se
duvent ces nou
nelles se
nient mont de souz
Sy si
ymffierent tout sevecement le Comune
des francoys audit messire perducas et
comment q
les auoyent la assiegez et les
menacoyent duement et aussi quels que
sly e stoyent et aussi quels Cappitaines
sly auoyent
Quant messire perducas
de la breth entendi ce si nien fut de neant ef
foyer mais recueilly ses compaignons de
toutz les et sen bnt bouce de dens mont alle
ou il fut receuz arvant joye

uant sly fuwent la veniz
sly ouvent con sal onse
le comment sly se pou
wrent manumoy et
fuwent daccord que leur
d'aucun sly s'armeroyent

Виктор Васильевич Бушмин

Маршал веры. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69929680

SelfPub; 2023

Аннотация

Противостояние Франции и Англии в те времена было похоже на поединок двух боксеров-тяжеловесов. Интриги, таинственные убийства, происки шпионов, загадочные смерти королей здесь перемешаны с искренними чувствами любви, дружбы, чести и верности присяге, что всегда ценилось дороже золота. История жизни и становления одного из великих крестоносцев альбигойского похода на фоне красивой и кровавой средневековой истории Европы 13 века. Книга из трилогии-предисловия к "Альбигойскому Кресту".

Виктор Бушмин

Маршал веры.

Книга первая

От автора:

Эта книга не претендует на исключительность описываемых событий, которые в действительности проходили на территории современной Франции в XII – XIII веках. Тем более что это не историческое исследование, а приключенческий роман.

Все персонажи данной книги в действительности существовали в те времена, за исключением, пожалуй, лишь нескольких второстепенных лиц, которых я ввел в данную книгу.

Пусть не критикуют меня историки за, несколько своеобразное, толкование некоторых исторических моментов, таких, как, к примеру, смерть Ришара Кёрдельон. Ведь, как ни крути, но сих пор еще с полной достоверностью не установлено имя неизвестного стрелка.

Глава I

Детство и юность, или как юный Ги увидел короля Филиппа, прозванного позднее «Завоевателем»

Жизнь никогда не останавливается и всегда идет своим чередом, следует по пути, определенной Господом Богом

(пусть неверующие и пытаются назвать все это странным и до невероятности непонятым словом «судьба», но, Бог им судья.

В общем, Промысел Божий никому не постижим и, хотя многим Он кажется жестоким и несправедливым, позднее, на поверку оказывается, что правота всегда объясняется словами старинной поговорки: «все, что ни делается – к лучшему».

Белые полосы счастья и удачи всегда сменяются черными полосами испытаний. Посылаемых нам всем Творцом во все не из-за Его упорного нежелания помочь каждому конкретному человеку, а скорее наоборот, попытаться отвести от него все возможные беды и напасти, которых он с таким упорством и настырностью, достойной какого-то гораздо лучшего применения, добивается.

Семья де Леви, так несправедливо позабытая, казалось бы, сыном великого |Луи Воителя, не исчезла и не умерла.

Бог снова проявил свою милость к ней, и, вот, в глуши, в семье опального Филиппа I де Леви родился долгожданный мальчик – наследник его рода, малыш Ги. После трех дочерей Господь, наконец, сжалился и ниспослал Филиппу де Леви, радость

Мамки, няньки, кормилицы и повитухи не зря старались и молились денно и ночью – Бог услышал их молитвы. Малыш рос, заметно опережая в росте сверстников, да и мозгами, слава Богу, Господь его не обидел.

Ги де Леви родился 25 июля 1175 года и, по достижении им девятилетнего возраста был отправлен в обучение и воспитание в Лотарингию к старинному другу их семьи, мессире графу Годфруа де Нанси, внуку покойного Мишеля де Нанси, соратника их покойного дедушки. Но, с начала, в возрасте пяти лет Ги сел на спокойную лошадку и вместе с отцом отправился приносить *оммаж* новому государю – пятнадцатилетнему королю Филиппу Второму Капету.

Мальчик с нескрываемым интересом смотрел на высокие и красивые соборы Парижа, его мосты. Разинув рот, рассматривал он предмостные крепости Пти и Гран Шатле, возведенные славным Людовиком Толстым и перестраиваемые в настоящее время, на старинные стены острова Сите, поросшие виноградом и мхом. Ещё бы! Эти стены помнили его славного деда, рыжего рыцаря Годфруа де Леви, щитоносца короля Людовика Воителя! Также эти стены помнили и «королевского шершня», слава о котором уже практически затихла и умолкала навсегда, но, нет-нет, а в какой-то из харчевен или гостиниц, какой-нибудь любитель потрепаться «навеселе», выдумывал в очередной раз что-нибудь новое и невероятное, но именно и исключительно по причине невероятности вранья, этому охотно и почему-то верили, разнося и приукрашивая своими «кудрями» и красками.

Когда Ги спрашивал отца о нем, тот сразу становился каким-то растерянным и, можно сказать, наивно-беззащитным перед сыном, ведь..

В общем там что-то было такое, о чем лучше не говорить вслух и желательно поскорее и благополучно забыть.

Особенно поразил мальчика красивый и монументально-торжественный прием во дворце королей франков, в большой сводчатой палате с витражными окнами, стояние в толчее знатных сеньоров-вассалов и такое бесконечно долгое ожидание очереди для принесения оммажа от прямых вассалов короля.

Потом он увидел его! Ги впервые в своей жизни увидел живого и настоящего короля франков, помазанника божия! Перед ним на троне сидел высокий мальчик пятнадцати лет, который был страшно напряжен и громко дышал, видимо от переживания важности и значимости этого важного для его судьбы момента. Король подходил к каждому коленопреклоненному сеньору и принимал его руки в свои ладони, что-то говоря вслух. Ги не понимал слов клятвы, но он чувствовал её напряжение и значимость для всех присутствующих в этом зале господ. Скоро дошла очередь и до его отца. Король принял в свои подростковые ладони руки его отца и, повернув голову в сторону невзрачного монаха, что-то шепотом переспросил у него. Монах утвердительно кивнул головой в ответ королю. Юный Филипп Второй немного прокашлял, стараясь придать своему срывающемуся голосу большей значимости и сказал, глядя в глаза Филиппа де Леви:

– Принимаем тебя, Филипп де Леви, первого в своем имени, внука покойного монсеньора Годфруа де Леви, епископа

Шартрского, сына покойного Мишеля де Леви, в число наших прямых вассалов от земель, угодий, рек, деревень, крестьян, башен и замков, перечисленных в специальной грамоте, что твои предки держали от наших Богом благословенных родителей – королей Франции! Поднимись же с колен, шевалье де Леви, сеньор де Сент-Ном!

Отец встал. Король Филипп троекратно поцеловал его. Процедура оммажа была закончена. Но король еще немного задержался возле Филиппа:

– Мы помним все услуги, оказанные твоими предками моим предкам. Мы помним все обиды, коими ты и твой род был подвергнут со стороны нашего, упокой Господь его душу, покойного родителя – короля.

Молодой король гордо и смело вскинул голову, расправил плечи (довольно-таки широкие и мощные для пятнадцатилетнего подростка) и громко произнес, адресуя свои слова всем собравшимся в королевском дворце:

– Знающие люди говорили нам о чистоте помыслов твоего покойного деда, его беззаветной любви и верности моему славному деду, королю, чьим верным паладином он был, пока не принял постриг. Его славное деяние... – король немного замялся, – выразившееся в сватовстве с герцогиней Аквитанской и графиней Пуату дало нам в руки огромные земли, которые не смог удержать мой покойный родитель. Верь мне! Я заберу всё, что причитается нам по праву!

В этот момент короля монах незаметно дернул за рукав

его расшитой золотыми королевскими лилиями котты, что-то шепнув ему снова на ухо.

– Ах, оставь! Рауль, мне плевать, что здесь находятся уши и глаза мессиров Плантажене! Это мои частные слова. Они касаются только меня и этого рыцаря! Ведь мы здесь говорим о его благословенном предке, который... – тут Филипп нарочно повысил свой голос так, что тот прогремел под сводами палаты. – Бился, словно лев на поле Бремуля, прикрывая отход моего деда и не позволяя грязным нормандским псам осквернить тело славного мессира *Ангерана де Шомон!*

По залу пролетел шепот. Король горделиво приосанился, выставил вперед ногу и произнес:

– Ваш славный предок проявил столько благородства и храбрости, что враги отказались брать его в плен, ибо могли опозорить себя и весь свой род до седьмого колена такой низостью! Да, мессир! Даже враги уважают благородство и самопожертвование. – Юный король шумно вздохнул, заканчивая свою речь, перевел взгляд на мальчика, стоявшего чуть сзади своего отца. – А это ваш сын?

– Да, Ваше величество! Это мой сын Ги де Леви, наследник и ваш верный вассал.

Ги преклонил колено перед королем.

– Встань, юный Ги де Леви! Служи нам верно, как и все твои предки!

После приема у короля отец словно помолодел. Он без скрипа уплатил большой рельеф за принесение оммажа но-

вому сюзерену и направился к себе домой, в Ивелин. Пути короля Филиппа и юного Ги де Леви разошлись. Пересекутся они позднее, и весьма внезапно...

А пока Ги постигал грамоту, латынь, прочие науки, преуспевая больше в военной сфере. Он обожал слушать рассказы о походах крестоносцев, осадах замков и крепостей, правилам штурма и прочим инженерным хитростям, с увлечением, до изнеможения отдавался занятиям с оружием и физической подготовке. К четырнадцати годам он вырос так, что не знавшие его реальный возраст могли дать ему все восемнадцать.

Ги был романтичным подростком, его сердце трепетало от рассказов о любви рыцарей к благородным дамам. И, как это частенько случается, мальчик влюбился, правда, тайно и безответно, в старшую дочь графа Годфруа – черноволосую и кареглазую Катрин. О, эта первая и трепетная любовь. Любовь неосуществимая, такая нежная и тонкая. Как крылышко бабочки, но от этого и незабываемая. Клянусь всеми святыми, но каждый и вас – читателей испытал это.

Катрин была несколько надменной девушкой, избалованная ломака и записная кокетка, она старше Ги на три года и уже помолвлена с сыном герцога Брабантского, их феодального соседа. На все робкие и неуклюжие ухаживания «нескладного франка» – так она называла Ги, Катрина смотрела, как на само собой разумеющееся событие. Молодые оруженосцы просто обязаны, исходя из уклада того времени,

влюбляться в свою госпожу или, по крайней мере, в одну из ее дочерей. Ги был жутко расстроен, получив отказ от надменной Катрин на его робкие ухаживания.

Он похудел, немного осунулся и потерял интерес к наукам, которым обучали его при дворе графа Годфруа. Де Нанси встревожился, наблюдая за мучениями его воспитанника. Однажды, во время охоты на кабанов граф спросил Ги, ехавшего рядом с ним и везшего его охотничьи тесаки:

– Ги, мальчик мой! Твой вид стал сильно тревожить меня в последнее время. Слуги доложили мне, что ты совсем перестал кушать и потерял интерес к наукам, даже боевым! Что случилось? Можешь не таиться и рассказать мне обо всем, что печалит и тревожит тебя...

Ги помялся, и... рассказал графу о своей страсти к его старшей дочери. Годфруа рассмеялся в душе наивности чувств юного оруженосца, но вслух ответил:

– Это прекрасно, Ги. Ты должен понять то, что помимо ратного служения существует еще одна, не менее важная служба, – служба прекрасной даме! Без любви наша жизнь была бы серой и скучной! Только любовь может толкать нас, иной раз, на безумные поступки, на рискованные шаги, раскрашивая мир яркими красками жизни! Поверь, в твоей жизни еще ни один раз появится, такая вот, красавица, которая, вот так, запросто и мимоходом, разобьет твое сердце! Но, поверь мне, старому воину, это – самое прекрасное и удивительное чувство!

Ги вздохнул. Граф, как мог, объяснил своему воспитаннику, что нет ничего страшного в этом, наоборот! Это даже прекрасно...

– Это закаляет дух воина. Поверь, скоро многие, ох, многие женщины будут тревожить твои мысли и являться в твоих снах!..

Ги решил, что будет бороться с «болезнью» под названием «Катрин де Нанси». И, это ему удалось. Правда, с таким колоссальным и титаническим трудом...

ГЛАВА II

Меч отца

Стали доходить слухи о новом крестовом походе, готовящемся королями Англии и Франции для освобождения Иерусалима и Святой земли. Рыцари перешептывались. К графу зачастили соседи и его вассалы, просящие позволения отправиться в паломничество. Предвкушение похода и приключений, буквально, пропитало весь воздух дворца графов Нанси. Скоро потянули первые отряды рыцарей и местных сеньоров, спешащих в города сбора крестоносцев.

Первые французские и немецкие отряды трогались в свой искупительный и очистительный, как им казалось, поход...

Его отец простился с ним мельком, убывая в крестовый поход вместе с королем Филиппом в Святую землю для освобождения Иерусалима из рук поганого Саладина. Ги с замиранием сердца смотрел на отца, одетого в белоснежной сюркот с крестами на спине и груди. Его сердце учащенно би-

лось, словно хотело вырваться из груди и улететь вместе с отцом.

– Сын! Учись верно, прилежно... слушайся мессира графа... – отец говорил отрывисто, словно старался подбирать нужные слова. – Скоро тебя посвятят в рыцари. Жаль, что я не смогу присутствовать на этом великом для меня событии! Но, поверь, моё сердце всегда будет с тобой. Береги нашу землю, служи верой и правдой королю и его наследникам, береги свою честь, не позорь своих славных предков. Служи защитой святой церкви! Прощай...

Он поцеловал и крепко обнял сына...

Больше Ги не видел своего отца. Из обрывочных слухов он кое-как складывал картину похода, ужасался всем опасностям и невзгодам, которыми были «награждены» крестоносцы. Отец сражался бок о бок с королем Филиппом под Акрой. Через год, в 1190 году, в день Вознесения Господня, оруженосец графа Годфруа де Нанси, мессир Ги де Леви был посвящен в рыцари и ему торжественно, в церкви города Нанси были прикреплены шпоры, надет пояс и вручен освященный меч. Ги был, словно в тумане от счастья быть посвященным в рыцари, немного кружилась голова от ночного бдения с молитвами возле священного алтаря, на котором возлежал его меч. Он незаметно для себя самого заснул.

Этой ночью ему приснился отец. Он пришел к нему в одеянии крестоносца, но только был до странности молодым! Филипп что-то говорил ему, но Ги не запомнил его слов. В

памяти отложились только глаза отца: светящиеся от счастья и грустные одновременно. Только на утро следующего дня, очнувшись от этого мимолетного сна, он внимательно всмотрелся в свой меч и узнал его. Это был меч его отца, его деда! Священный и счастливый меч семьи де Леви!!! Тот самый меч, которым был принят в рыцари его первый предок, которым его дед убил врага короля Филиппа, стоя последним щитом перед ордой наемных убийц и королем.

– Боже! Отец! Как ты мог оставить его мне?! Зачем ты приходил ко мне во сне?

Несколько дней отец не выходил из головы Ги. Все дни празднеств, устроенных его светлостью графом по случаю посвящения в рыцари Ги де Леви и еще пятерых молодых оруженосцев из благородных семейств Фландрии, Брабанта и Саксонии, лицо Ги было мрачноватым и каким-то отстраненным от атмосферы всеобщего веселья.

– Ну, что с тобой приключилось? – спросил как-то во время вечерней молитвы граф Годфруа.

– Так... пустяк, безделица, – попытался отговориться общими фразами Ги.

– Уж мне ты можешь не говорить подобных глупостей. Наши семьи объединяет одно из самых древних братств – братство оружия. Я вижу, что какие-то мысли не дают тебе покоя.

Ги попросил графа отойти немного в сторону, чтобы не мешать, молящимся людям слушать проповедь священника, и сказал:

– Знаете ли, ваша светлость, каким оружием я был препоясан?

– В общем нет. – Граф с позволения Ги взял в руки его меч. – Видно, что меч старый, хотя и в прекрасном состоянии, хорошая инкрустация, великолепный баланс. Больше ничего не могу о нём сказать, да и держал я его в руках пару раз мельком. – Как-то неуверенно ответил граф.

– Тогда знайте мессир граф. Это наш фамильный меч. Меч, рукоять которого держала рука моего первого предка – Годфруа де Леви. Отец сознательно отдал вашей светлости фамильный меч, убывая в крестовый поход, лишая себя защиты святыни рода!

– Да... я, кажется, что-то слышал от своего отца о мече его друга – твоего деда. Поговаривали, что рыцарь, обладающий этим мечом, не погибнет в сражении, если бьется за правое дело, своего сюзерена или дело Креста.

Граф положил руку на плечо Ги де Леви:

– Значит, твой отец решил, что меч нужен тебе более чем ему.

– Значит так. Только не в настроении я вовсе не от этого. Видите ли, ваша светлость, сегодня ночью, во сне, ко мне приходил мой отец.

– ?!

– Да. И, что особенно меня поразило, он пришел ко мне молодым, чуть старше, чем я сейчас... но, в одежде крестоносца. Может, что случилось с ним там, в Святой земле?

– На все воля Божья, – грустно ответил граф де Нанси и прижал Ги к своей груди. – Не переживай, раз он был в одежде христового воинства, значит, он угоден Господу! Даже если он пал смертью воина, не думаю, что найдется хотя бы один человек, даже среди нехристей-сарацин, который скажет, что он умер трусом и подлецом!

– Спасибо, граф Годфруа. – Учтиво поклонился Ги.

– Можно мне еще раз прикоснуться к твоему мечу. Его держал в своих руках друг моего деда, тот, в честь которого я был наречен именем Годфруа.

Ги вынул из ножен меч и протянул его графу. Граф де Нанси встал на одно колено и, протянув руки, принял меч. Он поцеловал его клинок и протянул обратно Ги де Леви:

– Спасибо, Ги. В любой момент своей жизни знай – мой дом и замок, мой кошель и меч всегда к твоим услугам.

– В свою очередь, граф, повторю Ваши слова касательно Вас и вашего рода. Двери и кладовые наших замков всегда открыты для Вас и Ваших потомков.

Они обнялись и троекратно поцеловались. На следующий день Ги де Леви вместе с пятеркой молодых посвященных рыцарей отбыли в Саксонию для участия в экспедиции против местных язычников-идолопоклонников, пожегших три церкви и монастырь. Молодого франкского рыцаря и его молодых германских товарищей благосклонно и радушно принял саксонский герцог *Бернгард фон Ангальт*, сын знаменитого *Альбрехта Медведя*, покорителя западных славян.

Молодой Ги провел в постоянных походах, налетах, диверсиях и рейдах в страшной своими комарами болотистой земле Померании почти два года.

Вместе с герцогом молодой Ги участвовал в войне за итальянское наследство против городов северной Италии, где еще больше укрепил свою славу грамотного и бесстрашного воина. Он возмужал и приобрел помимо богатого военного опыта шрам от тесака, который украшал его красивое лицо и тянулся ото лба к левому уху.

Его сердце также покрылось несколькими прекрасными шрамами, следами пылких и страстных амурных приключений молодого французского рыцаря с местными красавицами Италии.

Ги, наконец, понял слова графа де Нанси. Любовь – это, пожалуй, единственное благо, ниспосланное рыцарю в этом суровом и жестоком мире!

Матильды, Кристины, Флоринды, сколько их было, этих пылких итальянок, своими жгучими взглядами ранивших и пленявших сердце молодого белокурого франка! В Тоскане и Флоренции, в Милане и Павии, Ги, не раз, ночами взбирался к ним на балконы...

Жаркие объятия и поцелуи в ночи, под стрекот цикад и пение птиц... это – просто чудо!

Почти в каждом из городов, замков или бургов, которые брались отрядами герцога или служили местами привала его армии, сердце Ги пленялось одной из этих красавиц, коими

славилась благодатная земля Италии.

Рыцарь понял смысл любви. Вернее, ему стало казаться, что он, Ги де Леви, сумел разгадать, пожалуй, самую главную загадку человеческой жизни...

Он вернулся к себе в Ивелин, чтобы принять в отсутствие отца управление замком и землями, а также войсками, оставленными для охраны и поддержания порядка в родовой вотчине, только через два года. Местное дворянство, в особенности его женская и девичья половина, в серьез заинтересовалось появлением в своих краях молодого красавца, украшенного, несмотря на свой юный возраст, изумительным, как говорили девушки, шрамом. Ги стали, наперебой, приглашать к себе в гости соседи, даже *граф де Дрё – кузен короля Филиппа*, стал подумывать, а не сосватать ли ему свою младшенькую дочурку замуж за этого блондина...

Но, сердце Ги ждало что-то другое, оно тянулось к чему-то и толкало своего хозяина куда-то...

Где-то под самое Рождество приехал старый оруженосец отца, седой Гуго, единственный уцелевший воин из свиты отца, сопровождавшей его в крестовый поход. Гуго рассказал, что его отец погиб как раз в тот самый день, когда Ги был посвящен в рыцари.

Какое страшное совпадение! – подумал Ги и ужаснулся. Он крепко сжал рукоять меча. Решение в его голове уже давно созрело, только сегодняшнее известие толкнуло его наружу с удвоенной силой.

– Я уезжаю в Париж! К королю Филиппу! Надеюсь, что мой меч пригодится ему...

ГЛАВА III

Король Франции и его соседи

После вступления на престол молодой король Филипп круто и резко изменил всю политику короны. Кичливый, заносчивый, недалёкий и, к тому же бездетный, граф Фландрии *Филипп Эльзасский* решил одурачить молодого принца-наследника, вбив мысль стать «новым *Бодуэном V* при короле Филиппе» и попытался навязать ему исполнение своих политических интересов, наивно полагая, что сможет управлять «этим лохматым мальчишкой». Вот этого человека король Людовик и назначил опекуном молодого принца и «меченосцем Франции» на предстоящую коронацию. Граф смекнул, что сможет еще больше укрепить своё влияние на Филиппа. Он пообещал выдать за него свою племянницу *Изабеллу де Эно*, выделив в качестве приданого богатые земли графства Артуа, с его богатыми городами и ярмарками и графство Вермандуа, одно время уже принадлежавшее короне, но из-за разделов предками своих земель ускользнувшее от Капетингов.

Всё же король Людовик VII не был дураком и полной бездарностью, как его описывали поздние историки и биографы. Для «равновесия сил», боясь и борясь с усилением могущества и силы графов Анжуйских, Людовик привязал корону цепью династических браков с могущественным *Шам-*

панским домом. Мать Филиппа была Адель де Шампань, своих дочерей, рожденных от Элеоноры, Людовик выдал замуж за Генриха Щедрого графа де Шампань, старшего сына Тибо де Блуа-Шампань. Вторую дочь и сестру Филиппа Людовик выдал замуж за второго сына могущественного Тибо де Блуа-Шампань – Тибо-младшего, графа де Блуа, интригана и предателя, бывшего одно время даже сенешалом Франции, но после своего подлого предательства лишенного своих должностей и почестей.

Каждый из этих кланов пытался втянуть молодого наследника в сферу решения своих интересов и выгод, не задумываясь о том, что у молодого Филиппа есть своя, отличная от обоих дворянских родов, точка зрения. Молодой Филипп хотел немного. Только округлить свой домен за счет соседей и родственников, накопить денег для войны с англичанами и лишить их всех континентальных наследий, заперев на туманном и дождливом Английском острове. Ровно через поколение, род Капета снова вернулся к политике Филиппа и Людовика-Воителя, к политике завоеваний и присоединенных земель под скипетр короны Франции.

Но, на беду Франции, существовал еще один, пожалуй, самый грозный и опасный, противник. Это была держава, созданная неугомонным, но бесспорно талантливым, Генрихом *Плантагене*, графом Анжу, Мэн, Турень, Бретань, Лимузен, Пуату, герцогом Нормандским и Аквитанским, королем Английским. Филипп умело, используя постоянную

вражду и недоверие, раз и навсегда поселившееся в этом семействе, применял своё право верховного сюзерена, постоянно стравливал непокорных детей со своим могучим отцом. Генрих Молодой, Ришар Кёрдельон, что значило в переводе с французского «Львиное Сердце», Годфруа де Бретань и **Жан Сантерр** постоянно поднимали мятежи против отца, требуя себе в управление части наследия их отца, прежде всего Пуату и Аквитанию – наследие их беспокойной матери Элеоноры. Принцы английские постоянно воспитывались на материке, во Франции, впитав в себя куртуазные манеры и любовь к французской жизни, нравам, обычаям и поэзии. Всё это создавало в их головах иной раз такую кашу, что с учетом тёмного психического прошлого их анжуйских предков, создало страшную гремучую смесь, которой Филипп и решил подорвать могущество Плантажене на французской земле.

Король Генрих II Плантажене больше всего любил, что было просто удивительно, самого младшего и самого бестолкового и бездарного из своих сыновей – Жана Сантерра, попросту Безземельного. Жан родился на свет после знаменитой ассамблеи в замке **Монмирай**, когда на короля Генриха II Английского вдруг нашла необъяснимая блажь, выразившаяся в желании официально разделить свою обширную державу между тремя сыновьями. Так как формально эти земли находились под сюзеренитетом королей Франции, молодые сыновья Генриха принесли оммаж королю Франции

Людовику и трёхлетнему Филиппу де Франс.

Генрих Младший принёс оммаж за Нормандию, Анжу, Мэн и Турень; Ришар Кёрдельон – за Пуату и Аквитанию, Годфруа – за Бретань. Весь французский двор дивился неслыханной щедрости и экстравагантности Генриха Плантажене, не видя в этом один из приступов родового психического расстройства, наследованного издревле анжуйскими графами. Их внезапные, необузданные и немотивированные ничем приступы гнева, ярости и злости, сменялись периодами плодотворного затишья, позволявшего им контролировать и увеличивать свои земли, держа в страже и повиновении знать подвластных территорий.

Король Генрих совершил, пожалуй, свою самую главную ошибку всей жизни – дал своим алчным детям надежду на власть. И его «Львята» почуяв на своих зубах пленительный и не сравнимый ни с чем по упоительности аромат власти, уже не собирались расставаться с ней.

Власть, заманчивую и упоительную. Власть уже в ближайшее время, которая манила и влекла к себе, заставляя их встать на путь сыновней непочтительности и открытого мятежа.

Первым подал к ней сигнал старший сын и наследник короля – Генрих Младший. Мальчик, выросший на идеалах французского рыцарства, долгое время жил во Франции, воспитывался в Пуату и Лимузене, этих оплотах феодальной вольницы, так щедро воспеваемых трубадурами. Недаром,

его самым закадычным другом стал забияка, пьяница, но, при всём этом, талантливейший воин и поэт того времени – мессир *Бертран де Борн*. Единственным рычагом для сдерживания необузданного нрава Генриха Младшего был мессир Гильом Маршал, которого больше звали на французский манер – *Гильом де Марешаль*. Рыцарь, чья верность и преданность короне и, в особенности, принцам крови еще при его жизни стала легендой. Реалистичный и практичный склад ума мессира Гильома, до поры до времени, как мог, сдерживал буйство наследника.

Но однажды, во время одного из частых королевских приемов, последовавших сразу после коронации наследника, король Генрих II, шутки ради, стал прислуживать и ухаживать за сыном, как бы подчеркивая всю высоту теперешнего положения молодого принца. Король в шутку сказал ему, но достаточно громко, чтобы смогли услышать почетные гости, среди которых находились посланцы короля Франции:

– Не правда ли, достопочтенные мессиры и гости, что не так часто случается видеть короля, прислуживающего за столом?

Гости вежливо закивали головами, восхищаясь смирением короля Англии. Только его старший сын Генрих Младший вдруг страшно и жестоко съязвил отцу:

– Однако, мессиры, довольно часто случается видеть, как сын графа прислуживает сыну короля!

Гости и отец, услышавшие этот дерзкий ответ, оцепенели

от изумления словами и наглостью сына.

Прошло время, родился самый младший и любимый сын Генриха II Плантажене – Жан. Отец очень любил своего малыша и обратился к детям с просьбой уступить часть их наследия в пользу родившегося брата. Генрих Младший, Годфруа де Бретань и Ришар Кёрдельон, естественно, вспылили и отказали отцу, своему королю. Запахло бунтом и гражданской войной.

Соседство такое и врагу не пожелаешь, хотя, при хитром и смелом подходе, силу врага всегда можно превратить в слабость и направить против него же самого.

ГЛАВА IV

Мятеж сыновей

Если король Людовик в силу своей слабохарактерности не смог решиться на сильный поступок и попытаться разрушить «империю» Плантагенета, то его сын Филипп был молод, горяч и любил рисковать.

Советник, канцлер и тонкий политик аббат Сен-Дени Сугерий, ещё при короле Людовике VI Воителе, начал создавать организацию, чем-то напоминающие современные министерства внешней разведки элементами внутреннего контроля и сыска. Точнее было бы сказать, что зачатки подобной организации уже существовали при короле Филиппе Грешнике. Но, это были только робкие и бессистемные ростки. Хотя, некоторые из акций этой тайной, но уже опасной и грозной структуры громко пронеслись по Европе. Одной из

первых и весьма успешных акций, проведенной «верными слугами короны» было таинственное убийство сына Гильома Завоевателя в 1101 году, как раз накануне его мощного вторжения во Францию. Смерть грозного английского соседа на время отвела угрозу от престола Капета. Теперь же настала пора для новой работы. Людовик Толстый прекрасно понимал, что только из Англии для него может исходить угроза. Но, он был слишком благороден для этой, мягко говоря, черновой и неблагодарной работы. Поэтому, вся тяжесть и ответственность по созданию мощной тайной службы легла на хрупкие плечи аббата Сен-Дени. Сугерий и его люди тщательно отбирали среди младших детей дворян королевского домена смышленных мальчиков и, обещая хорошее обеспечение их чад, увозили их в один из нескольких учебных и тренировочных центров, если их можно так назвать на современный манер. Как правило, это были монастыри с очень суровыми уставами, жизнь которых была практически неподконтрольна даже папским легатам. Там дети изучали политику, латынь, грамоту, математику, военное и разведывательное дело, учились диверсиям, способам сбора, анализа и передачи сообщений посредством тайнописи, опирающейся на знаменитый «квадрат Цезаря». Особое внимание уделялось также тщательному изучению религий сопредельных стран – исламу и византийским «отклонениям», особенно на территории Болгарии и Сербии. Еретические теории богомилов, бугров и манихеев уже в то время стали понемногу прони-

кать и закрепляться в южных землях империи и Франции. Но, самое главное, все они воспитывались патриотами Франции и короны, единомышленниками великой идеи объединения Франции.

К моменту восстания сыновей Генриха, практически вся Европа была опутана тонкой сетью агентов короля Франции. В годы правления Людовика после смерти Сугерия тайный сыск и разведку возглавил бывший тамплиер *Тьерри Галеран*, человек безумно преданный короне. Его заместитель, монах Рауль, выходец из младшей ветви старинной рыцарской семьи де Монморанси, стал наперстником молодого принца Филиппа, рано разглядев в угловатом, немного романтическом и вихрастом мальчике незаурядный ум хитрого и изворотливого правителя. Галеран и Рауль стали частенько подолгу задерживаться у молодого принца, обсуждая направления будущей политики Франции.

Дети Генриха, разумеется, сбежали на континент. Началась длинная череда гражданской войны, которая стараниями Филиппа и его ближайшего окружения постоянно поддерживалась в тлеющем состоянии.

После смерти старшего сына Генриха 11 июня 1183 года в замке Мартэль, проклятого своим отцом-королем, душой непокорных стал Ришар Кёрдельон, чья непостоянная и мятущаяся натура была очень ярко обозначена его прозвищем «Уи-но», что значит: «Да-нет». Ришар был дружен с Филиппом Французским, был обручен с его младшей сестрой

Адель, но относился к Филиппу немного снисходительно и часто даже высокомерно.

Старый король Генрих, распутство и необузданность плотская которого уже становилась притчей во языцех, якобы под предлогом охраны невесты принца до её совершеннолетия, увез девушку в Лондон, где через некоторое время она стала, по слухам, а они, увы, были не беспочвенными, его наложницей, причем, будучи еще несовершеннолетней и «бескровной», совершил немислимое святотатство и вызвал, граничившее с бешенством, раздражение Филиппа и ненависть, смешанную на позоре и унижении, его сына принца Ришара, почувствовавшего себя рогоносцем и неудачником еще до свадьбы.

Смекнув, что и этот «позор» можно в конце-концов попытаться обратить на пользу короне Франции Филипп решил еще сильнее привлечь на свою сторону Ришара, показав письмо его отца Генриха, в котором тот просил, чтобы невеста Адель де Франс вышла замуж не Ришара, а за Жана Сантерра!

– Да пусть подавится.. – каким-то могильным голосом произнес Ришар. Его лицо сделалось багровым, белки глаз налились кровью и стало дергаться веко. – Ненавижу его и его младшего ублюдка – моего братика Жана.

– Да успокойся ты, кузен, – Филипп немного решил раззадорить его. – Я не позволю нарушить условия брачного договора, который, к тому же, утвержден буллой папы Римского!

– Да ты, ей Богу, издеваешься, что-ли, надо мной? – Ришар начинал закипать. Филипп знал, что именно в такие минуты тот и способен на невероятные и зачастую неадекватные поступки.

– И тем не менее. Нам такой позор не надобен. Такое придется смывать лишь войной и кровью -Но он решил продолжить, рассчитывая на то, что Ришар клюнет, а не заартачится.

– Давай! Я согласен!»! Объявляй ему войну.. – Ришар внезапно встал на оба колена перед Филиппом и произнес: – Я вручу тебе Нормандию. Только убей старого развратника..

Используя слухи и играя на постоянных противоречиях в семье Плантажене, Филипп умудрился вовлечь в интриги против своего отца даже Жана, которого к тому времени прочно стали называть Безземельным, по-французски – Сантерр. В 1186 году скончался ещё один сын Генриха II – Годфруа де Бретань. Но его жена хотя бы, слава Богу, успела родить сына и будущего наследника. Правда, имя ему дали весьма и весьма неожиданное – Артур. Священники тихонько ворчали, в лесных и болотистых землях Бретани последние из прячущихся друидов в открую пророчили носителю этого имени жуткую и мучительную смерть..

Время же, казалось, решило играть на стороне старого короля. Сыновья-повстанцы теряли одного за другим своих лидеров. Филипп торжествовал в душе! Семя проклятого Плантажене истребляло само себя!

Но Генрих II был и оставался крайне удачливым стратегом и королем. Он в нескольких сражениях разбил врагов, насмерть поразив графа де Булонь, перепугав нормандских и английских сеньоров.

Далее в войну вмешалась, правда потихонечку и совершенно незаметно, политика. Согласно тайному договору, заключенному устно в то время между королями Англии и Франции, во время перемирий они обменивались пленными, компенсируя суммы взаимных выкупов и в виде жестов доброй воли вручали друг другу списки изменников, служивших под знаменами воюющих армий.

Но фортуна дама капризная и короля, мало-помалу, начинали оставлять все его подданные, лишая маневра и поддержки. Верными королю оставались только Гильом де Марешаль, как образец верности оммажу и несколько знатных сеньоров, старых друзей короля.

ГЛАВА V

Смерть старого льва

Одна из таких встреч состоялась в Коломье, в долине, поблизости от замка Азе-ле-Ридо. Король Генрих II Английский выглядел сильно постаревшим и уставшим, он поседел, цвет его лица приобрел какой-то странный землистый оттенок. Филипп, даже ужаснулся на мгновение тому состоянию, до которого он своими хитростями и интригами довёл своего могучего врага. Из уважения к возрасту Генриха Филипп снял с себя мантию и, сложив ее, предложил присесть коро-

лю Англии:

– Мессир Генрих! Из уважения к Вашим годам прошу присесть рядом со мной на эту мантию, ибо королям не приличествует сидеть ни на чем, кроме коня, трона или королевской мантии.

Генрих натужно улыбнулся и произнес уставшим и немного охрипшим голосом:

– Благодарю Вас, сир. Я ещё достаточно силён, чтобы говорить с противником, уверенно стоя на своих ногах!

– Присядьте, сир Генрих. Война, начатая в этом году, не совсем удачна для вас. Не прошло и месяца с того, как Вы потеряли Тур, три дня назад пал Ман. Этот городишко, – Филипп специально употребил это слово, чтобы ещё больнее ранить своего собеседника, – если не ошибаюсь, особенно дорог Вашему сердцу? Возле него покоятся останки Вашего покойного батюшки графа Годфруа Красивого?

Генрих утвердительно кивнул, болезненно скривив лицо.

– Считаю необходимым, учитывая Ваше теперешнее состояние, объявить небольшое перемирие и начать обмен пленниками и списками изменников. – Вдруг предложил Филипп. – Исходя из положения дел, которые складываются не самым лучшим образом для Вас, король Генрих, я предлагаю мирный договор.

Генрих удивился, но промолчал.

«Странно, что это вдруг Филиппа потянуло на милосердие и миротворчество? Пленных я у него толком и не взял.

Скорее всего, ему деньги нужны для продолжения войны, тем более, что он взял в плен *Обри де Вер, Гильома де Орм, Уорика* и еще нескольких знатных сеньоров, выкуп за которых потянет на кругленькую сумму..»– подумал Генрих, удивляясь предложению от короля Филиппа.

– Хорошо. Что мы будем делать, если я соглашусь на мир? – натужно выдавил из себя Генрих Английский, всё же присаживаясь рядом с Филиппом на его мантию.

– Уладим некоторое мелочи и исполним слово, данное в прошлом году нашему дражайшему папе Римскому.

– Это о чем же вы изволите? – Генрих смочил лоб, пытаясь, по-видимому, вспомнить очередное из своих «обещаний».

– Вы совсем позабыли, сир? Решение о крестовом походе, принятое нами после крестного целования возле *Жизорского вяза*. Вернее сказать – теперь уже Жизорского пня! Ведь я самолично срубил это трухлявое напоминание ошибок. – улыбнулся Филипп.

– Скажи мне, Филипп, чем тебе не понравился этот символ древней границы? – спросил Генрих, намекая на вяз, которому было несколько сотен лет.

– Этим самым он мне и не понравился! – резко ответил Филипп.

– Неужели тебе до сих пор не дают покоя щедроты Шарля Лысого и Шарля Простоватого, вручившим моим предкам Нормандию?

– Ну, вы скажете! Вручили! Вырвали, пользуясь слабостью! Совсем другие слова – более уместные. Так что, – Филипп с довольным видом потер руками, после чего широко улыбнулся, – нет больше ничего. Только Вы и я.

– Ясно, король Филипп. Я всё понял. Что вы пожелаете взамен нашего мира? В качестве компенсации за «щедроты» прежних королей Франции?

– В общем, ничего, только то, что я и так отвоевал, что издревле принадлежало моим предкам.

– Нормандию я не верну, только через мой бездыханный труп!

– Боже мой! – Филипп перекрестился. – Сдалась мне ваша Нормандия, как собаке пятая нога. Графства Овернь и Берри.

Генрих подумал немного, ковыряя пальцем мягкую землю, поднял голову к небу, всмотрелся в его необъятную синь и сказал:

– Забирай...

– Спасибо, сир. – Незаметно съязвил Филипп. – Есть еще немного...

– Что ещё? Лузиньяны не будут графами де ла Марш!

– И не надо. Это их местные проблемы. В Пуату и Марше Вы верховный сюзерен. Я не покушаюсь на святая святых – суд сюзерена. Наоборот, чту и уважаю. Нормандский Вексен с Жизорским замком во главе.

– Не отдам. Тогда мне трудно станет держать тебя в по-

стоянной опасности и напряжении, чтобы ты не расслаблялся ни на минуту.

– И всё же, я настаиваю на Вексене и Жизоре.

– Я подумаю. Да! Ты пришлешь мне список предателей, переметнувшихся к тебе и Ришару?

– Естественно и со всей спешкой и тщательностью, сир Генрих, как только вы соизволите подписать Ордонанс о мире и переходе земель под сень скипетра Франции.

– У тебя, я знаю, уже готова эта бумага? – Усмехнулся Генрих, поражаясь расчетливостью и холодности ума Филиппа. – Поражаюсь природе и Богу! Как смог родиться такой разумный сын у отца?

– Не удивляйтесь, король Генрих. Видимо, меня любит Бог, раз Он решил меня наградить умом, а не землями. – Филипп криво улыбнулся, но, тут же подавил эту слабость, прибавил. – Я, вот, не удивляюсь вашим детям, к примеру, а ведь мог с удовольствием ёрничать в волю.

– Вы правы, сир Филипп. Мне, как Вашему вассалу за континентальные лены, негоже говорить подобное.

– Вы не со зла сказали, поэтому мы и не услышали. Будем считать именно так. Вот, кстати, все пергаменты.

Филипп вынул их из футляра на одном уже висела прикреплённая сургучная печать с оттиском его королевской печати. Слуга, появившийся, откуда ни возьмись, ловко прикрепит ленту красного цвета, нагрел и капнул сургуч на бумагу. Генрих, скрепя сердцем, приложил печать к бумаге, да-

же не вымарав слова Вексен и Жизор.

– А где, простите за неудобство напоминания, список моих «иуд»? – слабым голосом произнес Генрих.

– Он будет у Вас завтра же еще до окончания вечерней молитвы. – Филипп ловко свернул пергамент, с кажущейся, на первый взгляд, небрежностью бросил его слуге, который, схватив его на лету, также мгновенно испарился.

Утомленный Генрих отправился в Шинон, один из своих опорных замков в Анжу и на континенте. В этом замке хранилась его континентальная касса, здесь он решил немного передохнуть и подумать над словами Филиппа. Он отправил своего юриста и канцлера, мэтра Рожэ к Филиппу с просьбой прислать ему, для начала, список изменников, предавших его в последней кампании и переметнувшихся к Ришару и Филиппу.

Генрих неспешно поел и вышел на открытую террасу донжона, чтобы насладиться пением птиц и теплым июньским вечером. В это время к нему без стука вошел Гильом де Марешаль. Услышав громкие шаги Гильома, Генрих повернул голову и сказал:

– Как удивительно быстро воротился Рожэ.

Гильом стоял, потупив голову:

– Да, сир. Мэтр Рожэ быстро и расторопно исполняет все Ваши поручения.

– Тогда не тяни, Гильом. Читай список уродов и иуд!

Гильом мялся, не решаясь начать.

– Что такое, Гильом? Темно? Ты ослаб зрением или разу-
чился читать?

– Нет, сир! Мой язык не поворачивается произнести
первую фамилию!

– Уж не Вельзевул, случаем там во главе? – попытался ост-
рить король Генрих.

– Нет, сир! Сатану я не боюсь! Это ему надо задуматься,
ежели он случаем удосужится встретиться со мной лицом к
лицу.

– Тогда читай. Это моя боль, я её и приму на себя.

– Но сир! Это очень большая боль!!!

– Читай, Гильом, читай!

– Его королевское высочество мессир принц Жан План-
тажене, прозываемый Сантерром....

Король вскочил с кресла:

– Довольно на этом!!!

Генрих Английский лег на кровать, повернулся лицом к
стене и не проронил больше ни единого слова. Все эти дни
Гильом находился неотлучно возле короля. Кроме него в
комнате постоянно молился ещё один человек – невзрачного
вида монах в рубище бенедиктинца. На третий день Генрих
повернулся лицом к Гильому де Марешаль и посмотрел ему
в глаза. В них было столько тоски и боли, что Гильом ужас-
нулся. Внезапно у короля Генриха изо рта и носа хлынула
кровь. Наступило 6 июня 1189 года. Король Генрих II План-
тажене умер...

Когда у находившихся в замке Шинон сеньоров прошел шок, вызванный смертью короля Генриха, невзрачный монах исчез.

ГЛАВА VI

Ришар «Пуатевенец» или принц «Уи-Но» становится королем

Филипп играл в шары со своим другом детства графом Рено де Даммартен на зеленой лужайке замка Азе-ле-Ридо, когда его отвлекла возня слуг возле деревьев. Он оторвался от игры, поднял голову и присмотрелся. Рыцари его охраны еле сдерживали какого-то монаха, рвущегося к королю.

– Отпустите слугу Божьего остолопы! Наша святая церковь защищает, а не угрожает нам! Вот, если бы это был гашишин какой, тогда, пожалуйста, держите его, а этого – ко мне!

Рыцари приподняли барахтавшегося монаха и поднесли его к королю. Филипп махнул им рукой, они поставили его на землю и удалились. Филипп взглянул на монаха.

– Свершилось, сир. *Старый дрок увял.* – Произнес монах, поклонился и исчез в глубине строений замка.

Филипп улыбнулся, потом сделал серьёзное лицо, перекрестился. Он подошел у Рено де Даммартену, который вдумчиво рассматривал комбинацию шаров, сложившуюся на траве, обнял его и, радостно улыбаясь, сказал:

– Рено, старый дрок увял.

Рено не понял, переспросил:

– Что? Прости, Филу, не расслышал.

– Ну и хорошо. На сегодня игра закончена. Передай Клеману, чтобы срочно нашел мессира принца Ришара и пригласил его ко мне.

Ришар, как и ожидалось, пьянствовал с пуатевенскими рыцарями в кабаке ближайшего *бурга*. Он нехотя прервал застолье и направился к Филиппу. Прискакав в замок, Ришар взбежал по лестнице на третий этаж донжона замка, где его ожидал Филипп.

– Филу! Тебе опять не имётся! Я вынужден был прервать веселое застолье, бросить товарищей, кстати, я почти закончил одну миленькую и весёлую *сирвенту*. Хочешь, прочту?

Филипп нахмурил брови:

– Ты вечно пьян и весел, Ришар! А ведь сегодня утром скончался твой отец – король Англии, герцог Нормандии и Аквитании, граф Анжу, Пуату, Мэн, Турень, Мортэнь, Бретань, божьей милостью Генрих II Плантажене – твой отец.

Ришар немного пошатнулся, невозможно было понять, то-ли он пьян, то-ли это он так удивился новости:

– Филу! И ради такой ерунды мог бы меня и не отвлекать! – резко отрезал Ришар.

– Что ты говоришь, Ришар! Твой отец умер! А ты плетёшь какую-то околесицу спьяну! Умер король Генрих! Твой отец!

– Да пошел он...

– Не гневи Бога, Ришар! Будь осторожен со словами.

Ришар вдруг взглянул на Филиппа каким-то странным

взглядом, в котором проскочила жуткая холодная сталь:

– Это ты, король Филипп Французский, не забывайся и выбирай слова! Я больше не «Уи-Но», я – Ришар Первый Английский!

Филипп и раньше сталкивался с высокомерием и откровенным пренебрежением к своей персоне со стороны кузена Ришара, но сейчас он явно ожидал проявления такой агрессии со стороны английского принца:

– Вот, значит, как ты заговорил. Ладно. Подберу слова. Разрешите поздравить Вас, сир Ришар, с предстоящим помазанием на престол Англии, Нормандии и прочая, прочая! Так сойдет, Ришар? Хотя, подожди, забыл добавить: король умер, да здравствует король!

– Филипп, не зли меня! – начал заводиться Ришар.

– Неужели, Ваше королевское величество, Вы начинаете своё правление с мелких угроз! – В свою очередь начинал сердиться Филипп. – Может быть, Вы забудете и о своих обещаниях, сир Ришар?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.